

Д. С. Мережковский
Страшное дитя^[1]

I

Священник К. М. Аггеев написал прекрасную книгу о Константине Леонтьеве.

Почти все, кто писал о нем, мало знали его, потому что мало любили. Знание - любовь. С такою знающею любовью написана книга о. Аггеева. И суд его над Леонтьевым: "Христос ему остался неведом", - страшный суд любви, один из тех приговоров потомства, в которых чувствуется, что суд человеческий может совпасть иногда с Божьим судом.

Всю жизнь шел ко Христу, исповедовал Его, говорил Ему: Господи! Господи! - был тайным монахом, другом Амвросия Оптинского, изломал, искалечил, изнасиловал душу свою, проклял мир во имя Христа, - и все-таки не пришел к Нему, даже ризы Его не коснулся, лица Его не увидел.

Почему? За что? Как это могло случиться? Ответ - книга о. Аггеева.

Книга написана не столько священником, сколько человеком, о котором так и хочется сказать: "Вот подлинный израильтянин, в котором нет лукавства". Нелукавый, немудрый оказался мудрее лукавого, потому что именно здесь, в отношении своем к Христу - Леонтьев бездонно лукав, "нестерпимо сложен", по собственному своему признанию. Может быть, никогда вообще не было более сложного, мудреного, лукавого христианства, чем это. Непростота - вот, кажется, главное, что помешало ему подойти ко Христу.

С Богом лукав, а с людьми правдив. Удивительно соединяется в нем эта неземная, нечеловеческая ложь с человеческою правдою. Нестерпимо сложен внутри, нестерпимо прост извне. Едва ли найдется другой писатель, менее способный лицемерить, казаться не тем, что он есть, скрывать свои самые тайные, страшные мысли и чувства. Что на уме, то и на языке. Человек последних слов, последних правд. О чем люди говорят на ухо, он возвещает с кровель.

Кажется, за эту правдивость и полюбил его "подлинный израильтянин, в котором нет лукавства". И, произнося над ним ужасный приговор, предчувствует о. Аггеев, что на суде Божьем искупится личной правдою общественная ложь Леонтьева. Ведь не от себя, повторяю, и не для себя он лгал, а как это ни страшно сказать, - для Бога. Ответ за него дадут те, кто сделал Духа лжи из Духа истины.

II

Любил и знал Леонтьева и В. В. Розанов. Но любил неполною любовью, а потому и знал неполным знанием. Последняя тайна Леонтьева - отпадение от Христа - осталась Розанову непонятною или была им понята неверно. Любил для себя, сперва как учителя, потом как соумышленника в некотором лукавом - скажу прямо - коварном деле. Христианство Леонтьева - вода на противохристианскую мельницу Розанова. Если о. Аггеев любит Леонтьева за правду, то Розанов - за ложь: он ведь и сам бездонно лукав, может быть лукавее Леонтьева, хотя под видом бесконечной правоты и правдивости.

Как бы то ни было, Розанов первый заговорил о нем как о великом писателе и первый, указывая на его "почти полную нечитаемость", обратился к русскому обществу с тем упреком, который потом не раз повторялся: "Прошел великий муж по Руси - и лег в могилу. Ни звука при нем о нем; карканьем ворон